

РОССИЯ В ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СТАНЕТ ЛИ 2012 ГОД ПЕРЕЛОМНЫМ?

А.Г. Большаков

Прошедший год был знаковым для всего постсоветского пространства. Исполнилось двадцать лет с момента подписания беловежских соглашений и фактического распада СССР. Два десятилетия — это тот период, который может дать наглядное представление о том, какие тенденции превалируют на пространстве бывшего Советского Союза, каковы векторы развития независимых государств, появившихся в 1991 г., возможно ли интеграционное взаимодействие с сопредельными государствами в рамках ЕврАзЭС, ОДКБ или необходимо новое рождение СНГ.

Двадцать лет назад руководители одиннадцати союзных республик распадающегося СССР договорились о создании Содружества Независимых Государств, не скрывая, что формируют цивилизованные институты и механизмы развода. В октябре 2011 г. главы правительств восьми стран СНГ подписали Договор о зоне свободной торговли. При этом Россия, Казахстан и Белоруссия, уже объединившиеся в Таможенный союз, с 1 января 2012 г. существуют еще и в Едином экономическом пространстве.

В октябре прошлого года российский лидер В. Путин сделал предположение, что на основе единого экономического пространства необходимо сформировать еще и «наднациональное объединение»¹. С таким подходом сразу же согласились Н. Назарбаев и А. Лукашенко. Подобный проект появился в то время, когда в ряде европейских стран обсуждают необходимость введения внутренних виз в Шенгенской зоне, экономисты называют конкретные страны, которые долж-

ны будут покинуть Европейский Союз, США возводят забор вдоль всей границы с Мексикой, при том что связаны с ней зоной свободной торговли — НАФТА.

Последний год в самой России ассоциировался до недавнего времени с итогами президентских выборов. Еще в 2011 г. активные споры политического и публицистического характера велись вокруг сценариев, которые будут предложены обществу правящей элитой. Все последующие события перевели «проблему 2012» в разряд инструментальной «проблемы второго тура», где важным является сохранение стабильности и независимости Российской Федерации.

Снижение числа голосующих за партию «Единая Россия» на парламентских выборах, обвинения властей со стороны системной и несистемной оппозиции в фальсификациях результатов думской избирательной кампании, многотысячные оппозиционные митинги в Москве и других крупных городах России, уменьшение популярности государственных лидеров, особенно Д.А. Медведева — все это свидетельствовало о кризисе политической системы в России и необходимости реформ, которые были оперативно предложены властями.

События внутриполитического характера в России отодвинули на второй план запуск проекта единого экономического пространства, что продемонстрировало приоритетность национальных интересов государства перед потребностями в его интеграции. Правда, необходимо заметить, что любая дестабилизация политической системы в России может непосредственно повлиять на ин-

теграционные процессы в рамках постсоветского пространства, и поэтому устойчивость российской власти, ее преэминентность являются гарантом успешности взаимодействия сопредельных с Россией государств между собой и собственно с Российской Федерацией.

Известно, что в декабре 2009 г. на неформальном саммите в Алматы президенты Белоруссии, Казахстана и России утвердили План действий на 2010–2011 гг. по формированию Единого экономического пространства трех стран. Он предусматривает разработку и подписание в течение двух лет двадцати международных договоров, обеспечивающих создание ЕЭП. В целях своевременного выполнения этого Плана был утвержден календарный распорядок формирования правовой базы Единого экономического пространства на 2010–2011 гг., предусматривающий разработку, принятие и введение в действие первого пакета из 14 соглашений до 1 июля 2011 г. и второго пакета из 6 документов по ЕЭП — до 1 января 2012 г. Данные планы были в целом реализованы.

Этапы и результаты развития постсоветского пространства

Постсоветское пространство прошло в своем развитии несколько основных периодов. Первый может быть назван стадией дифференциации, второй — стадией диверсификации, третий — стадией новой структуризации.

Стадия дифференциации означала распад союзного государства — СССР, разделение территории на 15 признанных государств и целый ряд непризнанных государств, увеличение конфликтности. Интеграция постсоветского государства понималась как объединение вокруг России, основой которого должно было стать активное сотрудничество Российской Федерации, Белоруссии, Казахстана и Украины. В реальности интеграционные проекты оставались преимущественно на бумаге.

Диверсификация постсоветского пространства пришла на смену его дифференциации и «бумажной» интеграции. Последствиями диверсификации стали образование локальных организаций, многовекторность внешней политики большинства постсоветских государств, уменьшение территории пространства (вступление государств Балтии в Европейский Союз).

На современной стадии на постсоветском пространстве происходят многочисленные локальные интеграции. Завершение этого процесса будет означать замену диверсифицированного постсоветского пространства его устойчивой региональной структуризацией. Само постсоветское пространство перестанет существовать как целостный феномен².

Политическое, экономическое, культурное сотрудничество между постсоветскими странами продолжает развиваться, несмотря на наличие целого ряда серьезных противоречий и конфликтов. В последние годы этнические и религиозные конфликты на постсоветском пространстве стали менее многочисленными и интенсивными, чем в предшествующее десятилетие. На первый план выходят межгосударственные противостояния, собственно политические противоборства, некоторые интернационализированные конфликты самоопределения.

В последние годы постсоветское пространство не является единым международно-политическим образованием: самоидентификация отдельных государств происходит по региональному принципу, причем отдельные страны СНГ часто относят себя более чем к одному региону, что позволяет им проводить многовекторную политику балансирования между интересами различных ведущих региональных держав. Вписываются в эту тенденцию и стратегии участия постсоветских государств в сходных по составу и функциям региональных организациях и форматах сотрудничества. Так, например, Россия, Казахстан, Кир-

гизия, Таджикистан, Узбекистан временно состоят в ОДКБ и в ШОС, которые имеют во многом совпадающие цели по противодействию новым вызовам и угрозам.

ОДКБ создавалась на основе подписанного еще в 1992 г. Договора о коллективной безопасности, т.е. изначально это организация для отражения внешнего нападения, по сути, военный союз. Однако в настоящее время ОДКБ представляет собой многофункциональную региональную организацию безопасности, которая готова бороться и с такими вызовами и угрозами, как экстремизм и терроризм, нелегальная миграция из третьих стран, наркотрафик, природные и техногенные катастрофы³. Правда, имеющиеся в наличии миротворческие силы для урегулирования региональных конфликтов еще ни разу не были применены на практике. Так, случилось, например, во время этнических беспорядков в киргизском Оше в 2010 г., населенном преимущественно этническими узбеками.

ОДКБ имеет механизмы противодействия новым вызовам и угрозам: Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР) для действий в случае возникновения локальных или пограничных вооруженных конфликтов, для отражения террористической угрозы, проведения спецопераций; Коллективные силы быстрого развертывания для реагирования на угрозы безопасности в центральноазиатском регионе. Высокоэффективной признается комплексная оперативно-профилактическая операция «Канал» для пресечения наркотрафика из Афганистана. Проводятся ежегодные операции «Нелегал» по предотвращению миграции из третьих стран, значимым направлением является военно-техническое сотрудничество⁴.

Деятельность ОДКБ по многим направлениям эффективна, однако углубление сотрудничества часто тормозится из-за отсутствия консенсуса государств-членов: не все страны одинаково заинтере-

ресованы в развитии тех или иных сфер взаимодействия, например, несколько лет согласовывались документы по миротворчеству⁵.

Если деятельность такого интеграционного локального проекта, как ОДКБ, очень медленно, но выходит на эффективный уровень деятельности в некоторых сферах обеспечения безопасности, то интеграция всего постсоветского пространства проблематична.

На мой взгляд, существует несколько основных причин, делающих ее невозможной. Во-первых, сотрудничество на постсоветском пространстве редко переходит в реальную интеграцию, поскольку та требует действительного объединения экономик, потери части политического суверенитета, создания наднациональных структур, а этого практически не происходит, подобные процессы во многом тормозятся.

Во-вторых, Россия не может предложить привлекательных интеграционных проектов для всех постсоветских стран, а постоянные военные, информационные, экономические конфликты российского государства с элитами бывших советских республик только отдаляют от нее ряд стран СНГ.

В-третьих, отсутствие интеграции на всем постсоветском пространстве определяется геополитическим противостоянием США, Европейского Союза, Китая, России⁶. Американцы претендуют на влияние на всем постсоветском пространстве, хотя в реальности почти ничего не делают для этого, Европейский Союз уже включил в свой состав страны Балтии и высказывает явную заинтересованность процессами в европейских странах СНГ. В последнее время объединенная Европа активно влияет на регион Южного Кавказа и налаживает сотрудничество со странами Центральной Азии⁷. Последний регион давно находится в сфере влияния и Китая, который прилагает значительные усилия для доминирования в бывших восточных со-

ветских республиках. Внешнее воздействие на постсоветское пространство и отдельные его регионы оказывают такие крупные региональные государства, как Иран и Турция.

Россия рассматривает постсоветское пространство как сферу своих «особых интересов», что достаточно естественно. Однако российская стратегия поведения во многом определяется коммерческими интересами различных групп экономической элиты и практически не служит объединительным целям.

Советский Союз представлял собой империю особого образца, где метрополия оказывала значительные преференции окраинам с целью удержания их в составе социалистического государства и проведения единой геостратегической и военной политики. Уровень жизни окраин в империи советского образца в значительной степени отличался в лучшую сторону по сравнению с метрополией. После распада СССР положение изменилось. Россия является доминирующей страной в экономическом и военном плане на постсоветском пространстве, но ресурсов для интеграции бывших окраин и обеспечения им высокого уровня жизни у нее уже явно недостаточно.

В настоящее время государства постсоветского пространства проводят, как правило, многовекторную политику. В последнее время даже самые лояльные к России страны постсоветского пространства (Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан) постоянно конфликтуют с ней по ряду вопросов. Необходимо учитывать и то, что многие государства постсоветского пространства объективно являются экономическими конкурентами друг другу. Так, слабые экономики Таджикистана и Киргизии обладают только водными ресурсами, а Узбекистан, Туркмени и Азербайджан имеют значительные запасы газа и полезных ископаемых. В мировой и региональной экономике интересы этих государств постоянно противоречат друг другу.

На современном этапе развивать инновационные экономики невозможно только в рамках технологически отсталых постсоветских государств, чьи экономические системы связаны прежде всего с добычей и поставкой полезных ископаемых и ресурсов для мировой экономики. В этой связи перспективна интеграция государств СНГ с динамично развивающимися экономиками Европы и Юго-Восточной Азии. Наглядным примером подобного объединения является «Восточное партнерство» Европейского Союза со странами Содружества, которое заинтересовало ряд постсоветских государств. Правда, интеграционным проектам подобного рода постоянно мешают различные волны мирового экономического кризиса и политическая конфронтация европейского сообщества с Белоруссией и отчасти с Украиной по вопросам политических свобод и соблюдения прав человека.

Эволюция идей интеграции постсоветского пространства

Проблема интеграции постсоветского пространства вызывает уже длительное время неподдельный интерес со стороны российской политической элиты и экспертного сообщества. За последние годы можно вспомнить несколько объяснительных дискурсов этого явления. В начале 90-х гг. XX в. в умах российских политиков и экспертов господствовала идея интеграции постсоветского пространства «вокруг новой, демократической России», при этом эталоном объединения для стран СНГ считался Европейский Союз.

В тот период активно обсуждался вопрос техники принятия решений в рамках СНГ: консенсусом всех или большинства голосов. Принцип консенсуса подразумевал равенство всех участников Содружества и возможность одной страны блокировать решения остальных. Принцип большинства подразумевал, что голоса в новом союзе распределяются с учетом вклада каждого государства в

СНГ. Выбор той или иной модели напрямую затрагивал не только механизм политического управления, но и возможность новых независимых государств в структурах Содружества полноценно реализовывать и отстаивать свои интересы на равных с Россией.

В первые месяцы существования Содружества многие политики как в России, так и в сопредельных странах надеялись на сохранение общей советской инфраструктуры под единым управлением. Несмотря на многочисленные конфликты самоопределения, считалось, что геополитических и прочих трений у бывших республик в дальнейшем не будет и интеграция неизбежна. Идеи интеграции на основе российских социально-политических и гуманитарных стандартов, общей системы безопасности и единого экономического пространства, второго государственного языка — русского и двойного гражданства до сих пор находят своих приверженцев.

Противоречивость европейской модели интеграции и сохранившихся советских установок сознания элит и масс была достаточно быстро осознана государствами СНГ. Российская Федерация полностью отказалась от равноправного объединения существующих государств, говоря об объективном экономическом и военно-политическом доминировании российской политики на бывшем советском пространстве.

Определенную роль в обосновании постсоветской интеграции сыграл «евразийский объяснительный дискурс», хотя он сам значительно отличался от классического варианта евразийства⁸. Неоевразийство постсоветского периода (прежде всего А. Дугин⁹) воспринимается как определенная школа геополитической мысли, его содержательная база размыта, а предмет научного обсуждения отсутствует. В политической сфере неоевразийство обнаруживает себя как набор идеологических тезисов и политтехнологический продукт¹⁰.

В марте 1994 г. президент Казахстана Н. Назарбаев выступил в МГУ с концептуальной речью о евразийском объединении бывших республик СССР — стран СНГ. «Евразийское единство» подводило обоснование под механизм равновесного с Россией участия субъектов в СНГ, а также необходимость консенсусного голосования. Казахстанский политик понимал, что все постсоветские президенты легко согласятся с этим выгодным принципом, он надеялся, что они окажут хотя бы общую риторическую поддержку его политтехнологическому «евразийству». Сам автор инициативы получал роль модератора политэкономических процессов и статус неформального лидера Содружества. Дискурс евразийства в интерпретации Н. Назарбаева имел определенный романтический смысл возвращения к утраченному на новом витке развития и мог принести реальные политические дивиденды.

Казахстанская версия евразийства отличалась от российской тем, что снимала острые вопросы российского лидерства. Оно оказалось странным сплавом единого экономического пространства в сочетании с независимым национальным строительством и суверенной внешней политикой каждого участника СНГ. В настоящий момент «евразийство» Н. Назарбаева сведено до технологий региональной интеграции. Известны, например, инициативы президента Казахстана о создании единой валюты в рамках ЕврАзЭС и формировании единого образовательного пространства. Равноправие в СНГ слабо согласуется с интересами российской элиты, поэтому «евразийство» Н. Назарбаева почти не было реализовано на практике.

Существенный рост цен на энергоносители с 1999 г. повысил значение энергетической политики Российской Федерации. Она стала иметь мировое значение, соответственно, повысилась значимость регионов Восточной Европы, Южного Кавказа, Центральной

Азии. В отсутствии инновационной составляющей у российской экономики ее развитие осуществлялось только за счет продажи энергоресурсов. Большие доходы позволили обеспечить финансовую, экономическую и политическую стабильность. Однако временной промежуток у такой политики краткосрочный, он практически закончился с началом мирового экономического кризиса. В настоящее время российское общество вынуждено выбирать между экстенсивным расширением экономики для поддержания социальной стабильности и ее инновационной модернизацией.

С начала 2000-х гг. риторика евразийства возвращается при обсуждении проекта ЕврАзЭС, но ведущим постепенно становится дискурс «советизации», который достигает своего апогея в 2008 г. Значительная часть российской элиты и некоторая часть экспертного сообщества начинают постулировать необходимость возврата всего постсоветского пространства в зону влияния России. Российская Федерация пытается ревизовать существующее положение дел и диктовать свою волю всем бывшим республикам СССР, включая страны Балтии. ОДКБ начинает позиционироваться как «альтернатива НАТО», вступление в ВТО должно быть осуществлено Россией, Белоруссией и Казахстаном, объединенными в таможенный союз. Однако негативная реакция российских партнеров по СНГ к подобным проектам, расширение экономического кризиса в Российской Федерации и отсутствие необходимых ресурсов по влиянию на союзников вынуждают российскую элиту в значительной степени ограничить свои амбиции.

С 2004 г. под воздействием результатов ряда конфликтов России с государствами СНГ частью экспертного сообщества и журналистами постоянно выдвигается идея «построссийского пространства»¹¹. Этот дискурс ряда аналитиков по своей сути является государственно-националистическим,

поскольку отстаивает собственно российские национальные интересы. Однако у такого подхода очевидны и многочисленные издержки. При его реализации Российская Федерация может перестать быть значимой региональной державой, поскольку уменьшит свое влияние на сопредельные территории, а переход на равноправное сотрудничество с экономиками стран СНГ значительно усугубит кризисные явления на постсоветском пространстве и может привести к социальной катастрофе. «Построссийское пространство» сделает невозможным реализацию ряда энергетических проектов, разрушит систему российской национальной безопасности.

Гораздо более значимым, но инструментально-предвыборным по своему характеру видится интеграционный проект Евразийского Союза, предложенный В. Путиным осенью 2011 г. Идея интеграции, заложенная в нем, очень привлекательная, однако предложенные механизмы реализации не выдерживают критики.

Экономические издержки проекта «Евразийский Союз»

В. Путин считает, что предложенный им проект Евразийского Союза позволит создать еще один мировой геоэкономический центр силы, который может преуспеть в индустриально-технологической конкуренции, а также будет играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Подобные предположения интересны по своей сути, но не согласуются с современными реалиями мировой экономики. Так, основными геоэкономическими центрами мира в настоящее время являются США, Европейский Союз и Китай. Они по большому числу показателей во много раз превосходят потенциальный Евразийский Союз. Даже если бы все страны СНГ стали участниками Евразийского Союза, то в экономиче-

ском плане это была бы второсортная страна или объединение стран. По оценкам МВФ, на апрель 2011 г. совокупный размер ВВП членов СНГ, измеренный с учетом паритета покупательной способности валют, составляет всего 3,3 трлн¹². Значительно превосходит данный показатель ВВП динамично развивающейся Индии (4,5 трлн)¹³.

Потенциальный Союз должен будет существовать между объединенной Европой, имеющей ВВП в 15,6 трлн долл., и Китаем, у которого ВВП составляет 11,2 трлн долл.¹⁴ Евразийский Союз не сможет развиваться в этих условиях как новый геоэкономический центр. Трудности возникнут и со связующими функциями потенциального Союза, поскольку транзитная транспортная инфраструктура России и других стран СНГ разрушена или не развита во многом благодаря влиятельному нефтяному и газовому лобби, делающему ставку исключительно на трубопроводы.

При этом доля Российской Федерации в ВВП СНГ стабильно превышает 70%¹⁵. На Россию приходится 3% мирового ВВП, а вместе с Казахстаном, Белоруссией, Киргизией, Арменией и Таджикистаном получилось бы 3,5%¹⁶. Эта доля еще вырастет только на 0,7%, если к Союзу присоединятся остальные страны СНГ, в т.ч. Украина¹⁷.

Интересно, что Евразийский Союз слабо выглядит даже на фоне бывшего СССР, который на пике своего могущества в 60-е гг. XX в. имел долю 10% в мировом ВВП, а в 80-е гг. XX в. — эта доля уменьшилась до 8%¹⁸. Это были не лучшие показатели в мировой экономике, но статус и вес Советскому Союзу обеспечивали военная мощь, передовая наука в отдельных отраслях (в целом и тогда было очевидно технологическое отставание от Запада), высокий уровень образованности большинства граждан. Сегодня Россия по многим показателям отстает даже от Китая и Индии, а некоторые из ее партнеров по СНГ вернулись

в традиционное доиндустриальное общество¹⁹.

Евразийская интеграция нужна странам СНГ преимущественно для продолжения и увеличения донорства со стороны Российской Федерации. Экономическая польза для России от этого минимальная. По предварительным расчетам ЕАБР, в перспективе пяти — десяти лет устранение таможенных барьеров добавит к совокупному валовому продукту стран СНГ всего 2–3% (в целом по СНГ), а эффект для России не превысит 1%²⁰. Ожидать каких-то особенных темпов увеличения товарооборота Российской Федерации со странами СНГ не приходится. Их рынки слишком малы. В настоящее время доля Европейского Союза в объеме внешней торговли России составляет почти 50%, Азиатско-Тихоокеанского региона — около 24%, а СНГ — всего 15%²¹.

Реализация экономической части проекта Евразийского Союза на практике проблематична, так как:

- снятие миграционных, пограничных барьеров, отмена трудовых квот невозможны в ближайшие годы, поскольку вызовет тяжелые социальные потрясения и жесткое противодействие со стороны старожильческого населения ряда регионов России²²;

- свободное перемещение капиталов невозможно из-за действий элит практически всех государств СНГ, которые не позволят выкупить у них перспективные промышленные и сырьевые активы, прежде всего речь идет о потенциальной экспансии российского капитала;

- все участники потенциального союза являются нетто-импортерами промышленных товаров, а потребности в инновационной продукции на 90–100% покрываются за счет поставок из-за рубежа²³.

Представляется, что появление Евразийского Союза заставит полностью изменить российскую модель внешнеэко-

номической стратегии, за счет которой осуществляется в настоящее время технологическая модернизация ее экономики. Неготовность к этому страны является очевидной. Россия продает большие объемы сырья и оружия по всему миру и на вырученные деньги закупает технологии на Западе для модернизации собственной промышленности. В этой связи торговать сырьем и оружием со странами СНГ по льготным тарифам и модернизировать их экономики за счет приобретенных за огромные средства за рубежом технологий России не выгодно. У нее просто не хватит на это необходимых ресурсов.

Политические издержки проекта «Евразийский Союз»

Проект будущего устройства постсоветского пространства В. Путина носит либерально-патриотический характер. Собственно патриотизм занимает в нем очень немного места, приоритет явно отдается либеральным началам. Интересно, что в ходе своей последующей избирательной кампании В. Путин очень много раз демонстрировал, что, являясь в экономике либералом, в политике он — убежденный традиционалист и патриот. Почему проект Евразийского Союза переполнен либеральными положениями — остается только догадываться.

По мнению лидера российского государства, «вхождение в Евразийский Союз, помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу»²⁴. Именно это положение в анализируемом проекте и является наиболее дискуссионным.

Так, если учесть, что большинство участников потенциального Союза не являются членами ВТО, то становится непонятным: каким образом они будут интегрироваться в Европу? Не ясны также конкретные механизмы вхождения всего Евразийского Союза в европейское сообщество, куда до сих пор отка-

зывались принимать даже отдельно взятую Россию.

Ценностная основа Евразийского Союза представляется крайне нереалистичной, поскольку предполагается, что «Евразийский Союз будет строиться... как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов»²⁵. Какие страны СНГ исповедуют данные ценности — не понятно. Действительно, какими общими ценностями демократического свойства связаны Белоруссия и Казахстан? Что объединяет Грузию и Киргизию? Какие ценности свободы развиваются в Туркмении и Азербайджане? Можно ли назвать требования, предъявляемые к потенциальным кандидатам в Евразийский Союз, как это четко и ясно сделано в единой Европе? Гораздо более очевидными общими ценностями для постсоветского пространства являются потребности в безопасности, либерализации и демократизации политических режимов, рост уровня жизни основной массы населения. Важнейшей задачей для постсоветского пространства в настоящее время является распространение практики сменяемости власти на основе свободных альтернативных выборов. Собственно, этот «ценностный подход» и вызывает основное сомнение в жизнеспособности союза.

Несуществующие в реальности, но развиваемые в проекте Евразийского Союза либеральные ценности вызывают жесткую критику среди публицистов патриотического толка. Они считают, что в геостратегическом плане включение нового союза в «Большую Европу», которая находится под контролем НАТО, де-факто будет означать и продвижение этой военно-политической организации к границам КНР, что намного увеличивает опасность российско-китайского конфликта без всяких обязательств по отношению к Российской Федерации со стороны НАТО — в полном соответствии

с интересами США и в полном противоречии с интересами России²⁶.

Подобную точку зрения можно не принимать во внимание, сославшись на ее радикальность, но представители разных политических взглядов сходятся в том, что элитам в странах СНГ интеграция не нужна, поскольку она предусматривает передачу власти наднациональным органам. Элитам в странах СНГ не нужна никакая интеграция, предусматривающая даже частичную передачу власти наднациональным органам.

Важнейшей предпосылкой для интеграции совокупности государств является однородность их политических режимов. Демократические установки политической культуры и плюралистические основания режимов позволяют формировать относительно эффективные наднациональные структуры управления, которые, однако, далеко не всегда пользуются доверием у граждан национальных государств, входящих в интеграционное объединение. Сложность и неоднозначность процессов политической интеграции можно видеть на примере принятия Конституции Европейского Союза или реализации политических решений по оказанию помощи государствам еврозоны, которые оказались на грани дефолта в 2011–2012 гг.

Целый ряд интеграционных объединений различных регионов мира — АТЭС, НАФТА, ОАЕ, ЛАГ, ОИК и др. — или не ставят задачи по политической интеграции своих участников (создание единого государства), или ограничивают их внешнеполитическими целями (защита суверенитета, борьба с колониализмом, мирное урегулирование конфликтов и т.п.). Поэтому проект создания «Соединенных штатов Европы» и его аналогов в других регионах мира в настоящее время остается идеальной моделью, возможной в теоретических конструктах ученых, но не в политической практике.

На регионализированном постсоветском пространстве существует це-

лая палитра политических режимов, большинство из которых не носит плюралистического (демократического) характера. Политические режимы государств Балтии могут быть отнесены к «новым демократиям», но они являются составной частью другого политико-интеграционного пространства — Европейского Союза. Основные претензии к качеству демократии в странах Балтии — это этнократическая политика властей (в Латвии и Эстонии) по отношению к этническим меньшинствам. Плюралистическим и даже демократическим может быть признан режим такого государства, как Молдова. Однако экономическая отсталость и отсутствие контроля центральных властей над Приднестровьем переводит эту страну в разряд несостоятельных.

Для характеристики очень многих политических режимов постсоветского пространства, скорее всего, подходит известное понятие американского ученого Ф. Закария — «нелиберальная демократия»²⁷. К ней могут быть отнесены режимы Украины, Армении, Грузии, Киргизии, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Азербайджана и России. К собственным авторитарным политическим режимам можно причислить Узбекистан и особенно Туркмению.

Конечно, центральным является вопрос о политическом режиме в России, поскольку именно данная страна определяет основные направления интеграции на евразийском пространстве. По этому поводу в политической науке идут горячие дискуссии. Высказываются предположения о режиме «нового авторитаризма», «консолидированной автократии», политическом устройстве «с доминантной партией»²⁸. Главным в этих дискуссиях, безусловно, является не название, а выявление содержательных характеристик существующего режима в России.

На мой взгляд, можно констатировать, что в российском политическом режиме формально наличествуют все

необходимые демократические институты, включая конкурентные выборы, соперничающие партии, оппозиционные средства массовой информации. Идеология в данном режиме отсутствует, существует лишь набор определенных технологий и слоганов, на основе которых формируются инструментальные идеологии («суверенная демократия», «инновационная экономика», «экономическая модернизация», «противодействие коррупции», «реформа политической системы» и др.), призванные заполнить идейный вакуум в напряженные для правящей элиты временные периоды. Политический режим в современной России характеризуется открытостью границ, беспрепятственным получением информации из-за рубежа.

Несмотря на то, что авторитарные практики (несменяемость власти, административное давление на выборах, отсутствие равных условий для конкуренции партий и др.) доминируют в российском политическом режиме, он не может быть отнесен к классической разновидности автократии. Скорее, это «смешанная» разновидность политического режима, в которой существует симбиоз демократических и авторитарных элементов.

Подобный режим не предполагает «переходности», он давно сформирован и устойчив. Отсутствие идеологии формирует его гибкость, а открытость границ позволяет недовольным уехать без препятствий за границу.

Представляется, что политические режимы государств постсоветского пространства очень разнятся по своему содержанию между собой, поэтому экономическая и военно-политическая (внешний аспект) интеграции в значительной степени проблематичны из-за различий в принятии управленческих решений, внутреннего политического порядка, принципов взаимодействия с внешним миром. Политическая интеграция в плане создания единого госу-

дарства (проект «возрождение СССР») невозможна, т.к. требует унификации политических режимов разного образца, что возможно только в результате масштабного насилия и жесткого подавления сопротивления. Ресурсы для такого сценария на сегодняшний момент отсутствуют.

Проект Евразийского Союза как инструмент управления российским политическим процессом

Правящая политическая элита России рассматривает лозунги интеграции преимущественно в инструментальном плане. Выгодным для нее является создание системы региональной безопасности на основе ОДКБ, преимущественно в регионе Центральной Азии, а также частичная экономическая интеграция с частью государств постсоветского пространства (развивать экономику всех постсоветских стран Россия объективно не может, поскольку ею не произведена модернизация собственной экономической системы и политических механизмов современного управления). Именно эта задача будет приоритетной для российской правящей элиты, поскольку сделает ее положение стабильным, обеспечит стране статус великой региональной державы.

В современных геополитических условиях Россия может обеспечить себе лояльность любых политических сил в СНГ. Более рациональным представляется не обеспечение лояльности лидеров постсоветских государств, а покупка перспективных активов, в т.ч. и не только на территории Содружества. Политическая элита России подобные проекты постепенно осуществляет с рядом европейских стран, Китаем, Австралией (объекты атомной промышленности, банки, совместное строительство самолетов и т.п.). Масштабных российских экономических проектов подобного рода со странами СНГ не существует. Есть только призывы крепить дружбу наро-

дов, превозносить советский опыт насильственной интеграции и модернизации, что может быть отнесено, скорее, к сфере конструирования новых мифов и идеологем.

Представляется, что идея Евразийского Союза является преимущественно инструментальной, привязана к предвыборной борьбе и позволяет мобилизовать российский электорат, существенная часть которого до сих пор верит в возможность воссоздания СССР практически в прежнем виде. Подобную идею активно эксплуатируют коммунисты и патриоты, поэтому правящая элита вынуждена перехватывать инициативу, продвигать ее в массы, поскольку возможности для формирования подобного проекта и его продвижения в информационном смысле у властей значительно больше, чем у системной и несистемной оппозиции.

В 2012 г. этот проект постепенно будет забыт, а власти начнут решать экономические и политические задачи, направленные на усиление позиций России в современном мире и, в частности, в Евразии. Кроме того, Россия уже вступила в ВТО, что делает ее открытой для всей мировой экономики, а не только для сопредельных стран СНГ.

Можно предположить, что национальные интересы в реальной политике будут первенствовать над популярными у части политического класса и населения, но нереалистичными идеями воссоздания бывшей советской сверхдержавы. Интеграционные тенденции в странах СНГ в определенной мере являются объективными, но речь может идти только о локальной интеграции на постсоветском пространстве.

Существующее положение дел в интеграционных процессах государств СНГ может быть адекватно объяснено в рамках дискурса глобализации. Так, интеграционные связи складываются на постсоветском пространстве относительно успешно между страна-

ми с наиболее развитыми экономика-ми, включенными в процесс мирового разделения труда²⁹; перспективны интеграционные проекты в сфере образования и науки, дающие возможность их включения в европейские и азиатские научно-образовательные системы; объективно возможны военно-политические региональные объединения, в которых участвуют государства, обладающие значительным военным потенциалом и не имеющие возможность обеспечить собственную национальную безопасность³⁰.

Локальные интеграционные проекты на постсоветском пространстве могут привести к успешным результатам. В этой связи создание Таможенного Союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном, постепенное превращение ОДКБ в антитеррористическую, миротворческую региональную организацию представляются более эффективными интеграционными начинаниями, чем объединение всего постсоветского пространства³¹.

Реализация вышеобозначенных проектов позволит Российской Федерации поддерживать свое влияние на постсоветском пространстве. Если проекты локальных интеграций докажут свою эффективность, то они могут быть распространены на другие страны СНГ и сопредельные государства. Тогда станет возможной более широкая интеграция.

Дальнейшие действия российской элиты на постсоветском пространстве можно представить в виде четырех сценариев.

Первый из них предполагает, что проект Евразийского Союза будет полностью забыт или использован в виде идеологемы. Правда, эклектичный характер, симбиоз либеральных и патриотических идей сделает его уязвимым для любой критики.

Второй сценарий предполагает начало реализации данного проекта на

практике во всем объеме сразу же после инаугурации нового Президента РФ. Представляется, что такой сценарий развития событий практически невозможен, поскольку в условиях «второй волны» мирового экономического кризиса правящая элита России будет сосредоточена целиком на мерах антикризисного характера. Маловероятными представляются в этой связи и какие-то конкретные инициативы других стран постсоветского пространства. По понятным причинам пассивность будет проявлена со стороны Европейского Союза, Китая и других игроков с сопредельных России территорий.

Третий сценарий предполагает стратегию реализации государственно-гражданского национализма со стороны Российской Федерации. Он включает два потенциальных варианта. С одной стороны, возможен запуск поэтапной частичной интеграции постсоветского пространства посредством ближайших союзников (реализация проектов ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП). Такой вариант предполагает умеренную экспансию России на сопредельных территориях, прежде всего в экономической сфере с постоянными вливаниями финансовых и энергетических средств в народные хозяйства союзных государств. Он также включает дальнейшую регионализацию постсоветского пространства с участием зарубежных акторов, которые никогда не входили в состав бывшего СССР. Например, регион Центральной Азии предполагает естественное расширение за счет Китая, России, Афганистана, Монголии и других стран. Конечно, в таком варианте существует опасность «проглатывания» всего региона мощной китайской экономикой.

С другой стороны, возможна жесткая экспансия России (покупка привлекательных активов, продажа оружия и сырья) в ряде регионов, которые не относятся к постсоветскому пространству (например, в Центральной и Восточной

Европе, Вьетнаме, Лаосе и т.п.). Сопредельным постсоциалистическим странам достается минимум поддержки, а их территория используется преимущественно для обеспечения безопасности России (создание «санитарного кордона», например, перед афганской границей). Государствам-союзникам Россия оказывает умеренную помощь, а на постсоветском пространстве ориентируется на Белоруссию, Центральную Азию, прежде всего Казахстан, уделяет активное внимание Украине. Регионы постсоветского пространства диверсифицируются дальше, а Россия отказывается от идей создания центра силы на основе проекта «СССР-2» и существенно модернизирует свою экономику и политику, постепенно приобретая статус великой региональной державы.

Таким образом, 2012 г. является для России важным с точки зрения выработки интеграционных приоритетов. Антикризисные меры государственной политики Российской Федерации, по всей видимости, будут способствовать отказу от нереалистичных проектов тотальной интеграции постсоветского пространства. Перспективным представляется сохранение и дальнейшее развитие локальных интеграционных проектов с российским доминированием, которые могут через некоторое время превратиться в перспективные интеграционные союзы (в сферах экономики и безопасности), включающие сопредельные с Россией государства, которые никогда не входили в состав Советского Союза. Важным будет являться и процесс вхождения Российской Федерации в ВТО, который создаст возможности для дальнейшей интеграции страны в мировую экономику. В этой связи 2012 г. продemonстрирует возможности России как лидера ряда интеграционных образований регионального уровня и конструктора единого экономического пространства для ряда стран СНГ.

- ¹ Путин В. Грядет Евразийский союз // Известия. 2011. 1 октября. [Putin V. Griadet Evropeiskii Soyuz // Izvestiya. 2011. October 1.]
- ² См. подробнее об этом: Никитин А.И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М. : Навона, 2009. С. 197–206. [Nikitin A.I. Konflikti, terrorizm, mirotvorchestvo. M. : Navona, 2009. P. 197–206.]
- ³ См. подробнее об этом: Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М. : Навона, 2009. С. 9–80. [Nikitina Yu.A. ODKB i SHOS: modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. M. : Navona, 2009. P. 9–80].
- ⁴ Никитина Ю.А. Указ. соч. С. 47–60. [Nikitina Yu.A. Ibid. P. 47–60.]
- ⁵ Там же. С. 45–47. [Ibid. P. 45–47.]
- ⁶ Беспалов С.В., Власов А.В., Голубцов П.В., Казанцев А.А., Караваев А.В., Меркушев В.Н. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М. : ЕСПИ, ИАЦ МГУ, 2008. С. 73–86. [Bespalov S.V., Vlasov A.V., Golubtsov P.V., Kazantsev A.A., Karavaev A.V., Merkushev V.N. Mekhanismi formirovaniya pozitivnogo obraza Rossi v strane post-sovetskogo prostranstva. M. : ESPI. IATs MGU, 2008. P. 72–86.]
- ⁷ Далимов Р.Т. Европейский Союз и Центральная Азия: взаимное восприятие перспектив сотрудничества // Экономика и политика в современных международных конфликтах / отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Издательство ЛКИ, 2008. С. 303–313. [Dalimov R.T. Evropeyskiy Soyuz i Tsentralnaya Azia: vzaimnoye vospriyatiye sotrudnichestva // Ekonomika i politika v sovremennykh mezhdunarodnykh konfliktakh / ed. A.D. Bogaturov. M. : Izdatelstvo LKI, 2008. P. 303–313.]
- ⁸ Основные постулаты аутентичного евразийства сводились к следующим: опора на сильное идеократическое государство, победившее большевизм; наличие механизмов народной демократии; религиозная толерантность при главенствующей роли православия; необходимость интенсификации сельского хозяйства, индустриализации промышленности; наличие единого евразийского пространства, близкого по размерам с Российской империей, но добровольно объединенное и согласное с политической доктриной российского «евразийства».
- ⁹ Дугин А.Г. Проект Евразия. М. : Эксмо, Яуза, 2004 ; Дугин А.Г. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева. М. : РОФ «Евразия», 2004 и др. [Dugin A.G. Proekt Evraziya. M. : Eksmo, Yauza, 2004 ; Dugin A.G. Evraziyskaya missiya Nursultana Nazarbaeva. M. : ROF «Evraziya», 2004 etc.]
- ¹⁰ Далимов Р.Т. Указ. соч. С. 303–313. [Dalimov R.T. Op. cit. P. 303–313.]
- ¹¹ Маркедонов С.М. Постсоветское пространство станет построссийским. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1100068260>, свободный (дата обращения: 01.03.2012). [Markedonov S.M. Post-sovetskoye prostranstvo stanet postrossiyskim. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1100068260>, accessed 01.03.12].
- ¹² Международный Валютный Фонд. Обзоры мировой экономики и финансов. Доклад: «Перспективы развития мировой экономики. Апрель 2011». URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ftweo/2011/01/pdf/texttr.pdf>, свободный (дата обращения: 01.03.2012). [Mezhdunarodnyi valutnyi fond. Obzori mirovoi ekonomiki i finansov. Doklad: «Perspektivi razvitiya mirovoi ekonomiki. Aprel 2011». URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ftweo/2011/01/pdf/texttr.pdf>, accessed 01.03.2012.]
- ¹³ Там же. [Ibid.]
- ¹⁴ Там же. [Ibid.]
- ¹⁵ Лосев М. Евразийская сборка // РБК. 2011. № 12. С. 29. [Losev M. Evraziyskaya sborka // RBK. 2011. № 12. P. 30.]
- ¹⁶ Там же. [Ibid.]
- ¹⁷ Там же. [Ibid.]
- ¹⁸ Там же. [Ibid.]
- ¹⁹ Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М. : Аспект Пресс, 2009. [Zviagelskaya I.D. Stanovleniye gosudarstv Tsentralnoi Aziyi: Politicheskiye protsessi. M. : Aspekt Press, 2009.]
- ²⁰ Лосев М. Евразийская сборка. С. 30. [Losev M. Evraziyskaya sborka. P. 30.]
- ²¹ Там же. [Ibid.]
- ²² Интересно, что сам В. Путин в широкоизвестной предвыборной статье по национальному вопросу призвал к ужесточению правил регистрации мигрантов и санкций за их нарушения, т.е. высказал противоположную точку зрения по данному вопросу, что убедительно показывает невозможность существования неконтролируемых миграционных потоков на постсоветском пространстве в настоящее время. См.: Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января. [Putin V. Rossiya: natsionalnyi vopros // Nezavisimaya gazeta. 2012. January 23.]

- ²³ Иноземцев В. Новый проект интеграции основан на ощущении слабости и маргинализированности каждого из ее участников // Известия. 2011. 1 ноября. [Inozemtsev V. Noviy proekt integratsii osnovan na otschutschenii slabosti I marginalizatsii kazhdogo iz ee uchastnikov // Izvestiya. 2011. November 1.]
- ²⁴ Путин В. Грядет Евразийский союз // Известия. 2011. 1 октября. [Putin V. Griadet Evropeiskii Soyuz // Izvestiya. 2011. October 1.]
- ²⁵ Там же. [Ibid.]
- ²⁶ Нагорный А., Коньков Н. Евразийский союз: проект и реальность // Завтра. 2011. 23 ноября. [Nagorniy A., Kon'kov N. Evraziiskii soyuz: proekt I realnost // Zavtra. 2011. 23 November.]
- ²⁷ Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер с англ. М. : Ладомир, 2004. [Zakaria F. The future of freedom: illiberal democracy in at home and abroad, Russian translation.]
- ²⁸ Buck A. Network Mobilization and the Origins of the Putin Coalition // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2010. Vol. 26. № 4 ; Krastev I. Paradoxes of the New Authoritarianism // Journal of Democracy. 2011 Vol. 22. № 2 ; Petrone L. Institutionalizing Pluralism in Russia: A New Authoritarian Elections? // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2011. Vol. 27. № 2 ; White D. Dominant party systems: a framework for conceptualizing opposition strategies in Russia // Democratization. 2011. Vol. 18. № 3.
- ²⁹ Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. СПб. : Алетейя, 2008. С. 84—117. [Pivovar E.I. Postsovetskoye prostranstvo: alternative integratsii. Istoricheskii ocherk. St.P. : Aletaia, 2008. P. 84—117.]
- ³⁰ Там же. С. 34—83. [Ibid. P. 34—83.]
- ³¹ Там же. С. 118—146. [Ibid. P. 118—146.]